

Цезарь Маркович

Персонаж рассказа А.И. Солженицына «Один день Ивана Денисовича», заключенный. Когда-то картины снимал для кино, но и первой не доснял, как посадили. Молодой еще. Усы у него черные, слитые, густые. В зоне не сбрили, потому что на деле так снят. В Цезаре всех наций намешано: не то грек, не то еврей, не то цыган. Курит трубку. Трубку — чтобы не просили докурить, в рот не смотрели. Не табака ему было жалко, а «прерванной мысли».

Когда Цезарь встречает такого же чудака в очках, особенно москвича, то расцветает, как мак, и начинается между ними разговор. Про «Вечерку» свежую, которую прислали бандеролью, про рецензию на премьеру Завадского (это с Петром Михальчем) или про Эйзенштейна и его картину «Иоанн Грозный», про пляску опричников, про тракторку, про политическую идею и оправдание тирании. В высказываниях Цезарь смел, может вслух обсуждать «батьку усатого». Когда Шухов слушает это, то почти ничего не может разобрать — так редко слова русские попадают.

Цезаря здесь считают богатым — два раза в месяц получает посылки, «всем сунул в рот, кому надо, — и придурком работает в конторе, помощником нормировщика». Но не жаден, даст закурить, щедро расплатится за услугу, например за занятую очередь в посылочную, а уж соседа, кто с ним за одной тумбочкой питается (кавторанга), угостит из посылки и колбаской, и копченым рыбцом, и московским батоном с маслом. Но не понимает в жизни ничуть, — считает Шухов. Потому что перед самой поверкой не гужеваться надо с посылкой, тащить скорей в камеру хранения: с собой мешок на поверку не вынесешь, а оставишь — неровен час тяпнет тот, кто первый с поверки прибежит. И тут Шухов Цезарю помощник, не за заработок, а из жалости. Но Цезарь перед ним в долгу не останется.